

Книга третья

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

Глава 1

1

Огромный беркут на вершине высокой скалы расправил могучие — в размахе на полторы сажени — крылья, готовясь к полету, и обозрел свои охотничьи владения. От голого вздыбившегося камня под ним они простирались вниз по склону сопки, настолько крутому, что на нем не удерживались большие деревья — только густо переплелись кедровый стланик, лимонник, бузина и жимолость, укутав толстым пологом основание скалы.

Этот полог надежно скрывал разную пернатую и шерстистую мелочь, и потому беркут здесь не охотился. Не пользовался он и летающей и бегающей дичью из таежного чернолесья, захватившего менее крутые склоны сопки: среди елей и пихт ему просто негде было развернуться. Его уголья были ниже, там, где тайга постепенно переходила в степную широкую долину, усеянную пятнами березово-осиновых и черемушно-ольховых колков, и где в изобилии водились зайцы, тарбаганы, лисы-корсаки, фазаны и дрофы и прочая живность, пригодная для пищи.

Но сегодня беркуту хотелось поймать и принести что-то особенное в семейное гнездо, сооруженное правее и ниже на недоступном никакому зверю карнизе — там его самка впервые села высидывать птенцов.

Склонив голову набок, беркут посмотрел на гнездо, встретился взглядом с самкой, моргнул, и одновременный их клетот просыпался эхом в кедровый стланик.

Пора!

Беркут снова распахнул свои широкие крылья, на которых только прошлой осенью исчезли белые

пятна — знак неопытной и беззаботной молодости, теперь он стал зрелым орлом, — оттолкнулся от камня и легко набрал высоту. Ему хватило всего двух взмахов — крылья поймали теплые потоки воздуха, идущие из долины, и понесли гордую птицу по восходящей спирали — над просторной землей, на которой светлыми блескучими извилистыми лентами сливались две реки, давая начало новой — полноводной, дышащей весенним холодом. Дыхание ее было таким мощным, что струи его достигали высоты парения беркута и заставляли трепетать, выравнивая полет, большие перья полукруглого хвоста.

Острые глаза беркута схватывали любое движение на земле и на воде. Они видели караваны лодок и плотов на обеих сливающихся реках, а на той, что справа, — попыхивающий дымком пароходик. На плотках и больших лодках — горы грузов, палатки, животные: лошади, коровы и козы в загонах-загородках — и конечно, люди, занятые утренними делами. Кто-то умывался, стоя на коленях на краю плота, кто-то готовил еду на очажках, кто-то что-то мастерил...

Все это беркуту было непонятно и не стоило внимания. Но вот его глаза уловили на одном плоту нечто более привлекательное: бородатый человек вынес из палатки большой кусок мяса, положил его на колоду и начал топором рубить на куски. Беркут наполовину сложил крылья, оттянул их назад и ринулся вниз с нарастающей скоростью. Как вихрь налетел на человека — тот от неожиданности уронил топор и упал на спину. Беркут схватил мясо — широко расставленные когти зацепили все куски — и взмыл в воздух.

Всецело устремленный к своему гнезду, он не увидел, как упавший острый топор перерубил смоленый канат, связывающий плот, и бревна начали расползаться. Быстрое течение раздвигало их еще сильнее. Лопались одна за одной другие связки, трещали прибитые к бревнам доски, выдирались железные скобы, падали в воду люди и грузы...

2

Николай Николаевич Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири, очнулся ото сна, лежал с раскрыты-

ми глазами и все еще видел реку, плоты, лодки, суматоху людей и себя, сбрасывающего мундир, прежде чем прыгнуть в ледяную воду — спасти людей.

Черт побери, опять этот сон! Он уже видел его не однажды. Каждый раз немного по-другому, но в целом — одно и то же. Куда, в какое будущее заглядывает его беспокойная душа? В том, что это — будущее, он несколько не сомневался. Глазами беркута он увидел место слияния Шилки и Аргуни, начало могучего Амура, караваны лодок и плотов — это сплавы, как он их себе представляет, он даже узнал того, кто рубил мясо — Степан Шлык. Тот самый столяр из Тулы, который с сыном Григорием пошел в Сибирь за интересным делом, а теперь они вместе ищут девушку-каторжанку, приглянувшуюся Гриньке.

Тут мысли Николая Николаевича расслоились на две, и каждая пошла своей дорогой, почти не мешая другой.

В первой он по-прежнему думал об увиденном. Ну почему, почему это снится?! Кто этот беркут, укравший мясо и устроивший крушение? И вообще, так ли все будет, или это — иносказание, вызванное его непреходящими мыслями об Амуре? Если да, то о чем оно говорит?

Во второй — устыдился своей забывчивости: вот ведь пообещал простым хорошим людям помочь отыскать эту самую девушку — как ее? — да, Танюху, Татьяну Телегину, а руки не дошли. И с девушкой знаком (еще бы не знаком — в прошлом году спасла его если не от смерти, то уж точно от тяжелой раны), и где Шлыки обретаются — знает, а вот сделать ничего не сделал. И некогда было, и по-честному не знал, чем Татьяне помочь: Омская судебная палата на его письмо по пересмотру ее дела даже не откликнулась.

Рядом пошевелилась и глубоко вздохнула во сне Катрин. Катюша... Катенька... Бедная, как она устала от их бесконечного путешествия! Хотя бодрится, весела и оживлена как никогда: за месяц ожидания ледостава на Лене познакомилась чуть ли не со всем женским обществом Якутска и организовала целых четыре виолончельных концерта в сопровождении фортепьяно, сегодня

вечером как раз был четвертый. Муравьев с нежностью посмотрел на жену: ее тонкий профиль обрисовывался лунным светом, льющимся в окно маленькой спальни; поправил одеяло на чудной обнаженной груди. Катрин и здесь не отменяла правила, установленного ею после свадьбы — спать всегда вместе безо всяких там ночных рубашек. Он не знал, откуда оно взялось, столь удивительное для русского человека правило, да, собственно, никогда и не задавался этим вопросом, просто принял новинку с тихим восторгом и потом не раз убеждался, какую замечательную роль она играет в их с Катюшей любовных отношениях.

Вот и сейчас — только подумал, и сразу же возникло желание, казалось, все внутри пришло в движение, и захотелось разбудить любимую ласковыми поглаживаниями и легкими поцелуями — а она откликнется мгновенно, он в этом нисколько не сомневался, — но он тут же устыдился своего эгоизма: она же была такая усталая после выступления!

Он грустно усмехнулся, вспомнив эти концерты.

За неимением общественного помещения их давали в канцелярии областного правления, в двух смежных комнатах. В крохотном кабинете областного начальника располагались с инструментами исполнительницы, в соседнем, чуть побольше, размещались слушатели, всего человек двадцать — двадцать пять, но и те битком. Теснотища, духота, но *les musiciennes* были великолепны — Элиза показала истинное мастерство, Катрин за фортепьяно старалась изо всех сил, да и публика им соответствовала: чиновники, городовые казаки, купцы, и не только русские, но и якуты слушали как замороженные и потом бурно выражали свои чувства. Но больше всех, как заметил генерал-губернатор, восторгались молодые офицеры «Байкала» во главе со своим командиром Геннадием Ивановичем Невельским, которые как раз накануне прибыли в Якутск. Они задержались в Охотске, сдавая свой транспорт и подготавливая отчет об открытиях, сделанных в Амурском лимане, для начальника Главного морского штаба светлейшего князя Меншикова, да и путь до Якутска одолели не за семна-

дцать дней, как генерал-губернатор со своим штабом, а за четыре недели. Они после каждого музыкального опуса хлопали так, что со стены даже посыпалась штукатурка.

По окончании первого концерта старшина купеческого сообщества Платон Колесов и молодые якутские купцы братья Захаровы пригласили почетных гостей города на ужин.

— Ваше превосходительство, — обратился Колесов к Муравьеву, стоявшему с женой и Элизой Христиани в окружении офицеров, — нам известно, что вы не приветствуете и даже отвергаете обеды и ужины в вашу честь, но это наше сообщество устраивает по случаю редкостного в Ленском крае музыкального праздника, да еще с участием иностранной артистки. Не откажите, ваше превосходительство, и не гневайтесь — мы от чистого сердца.

Муравьев с невозмутимым лицом выслушал речь седовласого скуластого и узкоглазого негоцианта в аккуратной английской сукна с черной бархатной отделкой поддевке и неожиданно улыбнулся, слегка встопорщив рыжеватые усы:

— А вы знаете, милейший, не откажу. По случаю праздника не только можно, а и нужно. Вряд ли когда в Якутске был такой концерт.

— Не было, ваше превосходительство, — дружно ответили три брата Захаровы — Константин, Тихон и Федор, а старший, которого уже называли Петр Илларионович, добавил: — Только жаль, много страждущих осталось без праздника.

— А мы повторим концерт, — сказала вдруг Екатерина Николаевна. — Правда, Элиза?

— Да, да, — закивала Христиани. — Повторим. Спасибо!

— Спасибо вам! — с чувством сказал Петр Илларионович и зааплодировал. Все присутствующие — а никто из слушателей не ушел — подхватили аплодисменты. Они бы, наверное, длились еще долго, но генерал-губернатор поднял руку и остановил изливания.

— Достаточно, господа, — он снова улыбнулся, заранее намекая на несерьезность своих слов, — а то наши

les musiciennes загорятся пуще меры, и придется их спустать с небес на землю.

Екатерина Николаевна первая засмеялась, оценив шутку, ее деликатно поддержали. Колесов и Захаровы широкими жестами пригласили всех на выход, и вскоре участники концерта почти в полном составе (по разным причинам отстали несколько человек) переместились на второй этаж каменного магазина Платона Колесова, где было подготовлено застолье.

После первых благодарственных тостов начальник Якутской области Волинов обратился к генерал-губернатору с прочувствованной речью. Рассказав о более чем двухсотлетней истории первого русского города на севере Восточной Сибири, он обратил внимание главноначальствующего в крае на более чем бедственное положение якутского острога, от которого остались лишь часть стены и одна проездная башня.

— Великой державы не может быть без великой истории, — говорил Петр Игнатьевич, поворотившись всем корпусом налево, где во главе длинного стола сидели Муравьевы, Христиани и капитан-лейтенант Невельской (сердечный друг виолончелистки Вагранов счел неуместным садиться рядом с Элизой и нашел место среди морских офицеров). Бокал с шампанским, который он держал в приподнятой правой руке, явно его стеснял, не позволял наполнить речь необходимой силой и выразительностью, а ему этого очень хотелось. — Якутский острог, — говорил он, — еще живой памятник нашей истории, и его обязательно надо сохранить для потомков, а еще лучше — восстановить, хотя бы частично.

Видел Николай Николаевич этот острог, вернее, то, что от него осталось. Башня, конечно, впечатляла. Где-то четыре на четыре сажени, рубленая в лапу, шатровая крыша со сторожевой площадкой наверху — вид грандиозный, особенно вблизи. Правда, вызывали недоумение выступающие над проездом на две противоположные стороны навесные часовни — для чего они? Если там прятались охранявшие въезд казаки-стрелки — это понятно, а вот представить в них молящихся сложновато.

Волынов закончил здравицей в честь замечательных исполнительниц бессмертной музыки, которые, без сомнения, оставят свой след в истории города, чем заслужил долгие аплодисменты. После чего все выпили, Волынов сел и выжидательно посмотрел на Муравьева: что, мол, скажете, ваше превосходительство?

Не собирался Николай Николаевич говорить, но — ничего не поделаешь, придется. Он взглянул на Екатерину Николаевну, увидел в ее глазах всегдашнюю поддержку и встал. Гомон за столом, начавшийся было после первой рюмки, моментально стих.

— Дамы и господа, — сказал Муравьев, глядя, словно в даль, в пространство над столом, — мне нечего сказать о концерте, кроме того, что прошел он в ужасных условиях как для исполнительниц, так и для слушателей. А потому обращаюсь к представителям торгово-промышленного сословия: пустите, господа, шапку по кругу и постройте в Якутске хорошее здание Общественного собрания, где и вам можно было бы встречаться после трудов праведных, и артистам заезжим давать концерты или представления. Придет время, и наладится пароходное сообщение по Лене и другим рекам нашего необъятного края — и торговля веселей пойдет, и промышленность будет расти, и артисты сюда поедут с охотой. Тогда и деньги найдутся для восстановления острога, а пока, Петр Игнатьевич, не обессудьте. Сохранять сохраняйте, на это средств много не требуется, можно где-то и сэкономить, а восстанавливать предоставим потомкам. Если они будут не дураки, на что я очень надеюсь, то сделают все в лучшем виде.

Вспомнив эту речь, Муравьев поморщился, недовольный своей излишней склонностью к пафосу — уж сколько раз корил себя за это, а все нейдет, закинул левую руку за голову и задумался. Глаза привыкли к голубому полумраку, созданному в спальне ровным светом луны, даже то, что, казалось бы, скрывалось в тени, обрисовывалось четкими линиями, ни во что не надо было вглядываться, и это настраивало на меланхолические размышления.

Да-а, потомки... Какими-то они будут, оценят ли в полной мере труды во благо Отечества своих предков,

да вот хоть Геннадия Ивановича Невельского со товарищи, приумножат их или, напротив, профукают ни за хрен собачий? Добро-то, оно ведь наживается трудно — мозолями, потом и кровью, а по ветру развеивается в одночасье: р-раз — и нету его, а потом ищи-свищи!

Геннадий Иванович, Геннадий Иванович... А ведь на него теперь канцлерская псарня спустит всех собак: ну как же, посмел нарушить высочайше утвержденные инструкции! А это, при умелой подаче обстоятельств, грозит разжалованием, если не чем похуже. Надо немедленно писать императору правду и обязательно использовать придумку Миши Корсакова насчет левого берега Амура. Как там было в решении Амурского комитета? Муравьев помнил почти дословно: «...желательно, чтобы левый берег устья Амура и находящаяся против него часть Сахалина не были заняты никакою постороннею державою...» Невельской все выполнил в точности, и государь должен об этом знать, прежде чем канцлер граф Нессельроде вывернет сведения в свою пользу. Поэтому Геннадия Ивановича с его офицерами следует немного придержать в Иркутске, а Мишу Корсакова, наоборот, с письмами и отчетами отправить вперед, в Петербург, как можно скорее. Аллюр три креста!

Катрин разбудил свет из соседней комнаты. Несильный, от двухсвечового шандала, он тем не менее не давал снова заснуть. Она встала, выглянула из-за дверной портьеры, нет ли кого постороннего, и, не прикрывая наготы, неслышно подошла сзади к задумавшемуся в кресле мужу. Он сидел, откинувшись на спинку, голые ноги выглядывали из распахнувшегося халата. На столе перед ним стоял раскрытый походный письменный прибор — чернильница-непроливайка, песочница, ручка-вставочка со стальным пером — и лежало недописанное письмо.

Катрин взглянула на ходики: ужас, пять часов утра! Она уже хотела так же неслышно вернуться в спальню — привыкла не мешать мужу работать, а часто и помогала, пиша бумаги под его диктовку, как вдруг Николая развернулся, ловко схватил ее за талию, и Катрин в мгновение

ока очутилась у него на коленях, а их губы соединились как бы сами собой.

— Как ты догадался, что я тут стою? — оторвавшись, почему-то шепотом спросила она.

— Я думал о тебе, — тоже шепотом откликнулся он. — В три часа проснулся — сон опять увидел про сплав, а ты рядом, раскрылась — такая желанная!

— Ну и пришел бы ко мне. Ты же знаешь — я всегда тебе рада.

— Жаль было твой сон нарушать. Вот встал и взялся за письма.

— И все желание пропало, — грустно произнесла Катрин.

— Ошибаешься, — озорно блеснул глазами Никола. — Оно у меня никогда не пропадает.

— Так что же ты медлишь?!

3

В ожидании прочного льда на Лене Муравьев и Невельской почти все свободное время проводили в беседках. Вернее сказать, Невельской выкраивал время для этих встреч, потому что у него было очень много работы по подготовке материалов экспедиции к представлению в Главный морской штаб, да еще и доклад хотел сделать для Императорского Географического общества. Муравьев же не спеша знакомился с управлением Якутской областью, изучал местные промыслы, принимал жалобы — а их было немало, главным образом на несправедливый пушной торг, который захватили несколько торговых домов. Разговор с купцами по этому поводу прошел весьма жестко, а когда тот же Платон Колесов намекнул на законы гостеприимства, генерал пришел в ярость.

— Меня, уважаемый, обедами и ужинами не купить! — рявкнул он так, что все присутствующие заметно сжались. — Несправедливости и беспределщины в отношении к беззащитным не потерплю ни от кого, даже от друга и родственника. Так что извольте исправляться и впредь подобного не допускать. Иначе... — Муравьев не договорил, но все и так поняли, чем может обернуться неисполнение.

В меру своих сил и умений трудились адъютанты, Вагранов и Енгальчев. Генерал поручил им обследовать службу и быт местных казаков; урядник Аникей Черных с товарищами тоже не остались в стороне.

Доктор Штубендорф с утра до вечера вел прием больных в городской лечебнице; в гостиничку, куда определили офицеров, возвращался усталый, голодный, но — довольный. За время путешествия он соскучился по своей работе, которую любил до самозабвения.

Екатерина Николаевна и Элиза поначалу репетировали, но потом Элиза напросилась к Ивану Васильевичу — хотела своими глазами увидеть, как живут казачьи семьи. Ей это было тем более интересно, что службу здесь несли не только русские, но и якуты, и тунгусы, и довольно много было смешанных семей. Вагранов, конечно, с радостью включил ее в свою маленькую группу. Его *musicienne* оказалась на удивление дотошной: что ни возьми — повинности ли казаков, права ли, снабжение продуктами и оружием или обучение детей, — во всем старалась докопаться до возможных глубин и самой сути.

Екатерина Николаевна поскучала пару дней и присоединилась к подруге.

В общем, все оказалось при делах, чему Николай Николаевич был весьма рад. Он сам не терпел праздности и другим не позволял. Исключение мог делать только женщинам, но Екатерина Николаевна не желала, чтобы ей оказывали снисхождение и давали поблажки. Она стремилась во всем соответствовать мужу, что, между прочим, весьма понравилось Невельскому, который однажды в разговоре с Муравьевым даже выразился в том духе, что очень желал бы иметь супругу, похожую на Екатерину Николаевну.

— За чем же дело стало? — засмеялся Николай Николаевич. — Есть у нас в Иркутске такая девица на выданье, племянница губернатора Владимира Николаевича Зарина. Тоже, кстати, Катенька, Екатерина Ивановна. Вот-вот семнадцать стукнет. Вам в самый раз.

— Да я для нее уже старый, — сконфузился Невельской. — Двадцать лет разницы...

— Ерунда, дорогой мой, сушая ерунда! Вы для нее будете един в двух лицах: и муж любимый, и отец родимый. А это необыкновенно приятно — по себе знаю. Так что приедем в Иркутск, на первом же обеде вас и познакомим.

Разговор этот случился как бы между прочим; ни тот, ни другой из собеседников даже не предполагали, что именно этот момент изменит как судьбу Геннадия Ивановича, так и грядущие их отношения друг с другом.

Но это еще только будет, а пока что два мужественных офицера, не раз показавших отвагу и стойкость — один в сражениях с врагом, другой в схватках со стихией, два смелых первопроходца — и по духу, и по делам, наконец, просто два честных, благородных, абсолютно бескорыстных человека сидели за вечерним чаем с рюмочкой коньяку и трубочкой хорошего табака и беседовали о делах насущных.

— Вы, Геннадий Иванович, не раз бывали в Англии — что вы можете сказать об англичанах?

— Об англичанах? — Невельской отхлебнул чаю, затянулся трубкой и пустил колечко дыма, которое, почти не расплываясь, воспарило к потолку. Проследил за ним и только тогда ответил: — Вот мы с вами пьем английский чай, курим английский табак, а ведь ни то, ни другое в Англии не выращивают. И чай, и табак они берут в своих колониях, которые открывали искатели приключений, а прибирали к рукам предприимчивые дельцы. Вот в этом, по-моему, суть их народа — в сочетании авантюризма и сугубого прагматизма.

— Пожалуй, я с вами соглашусь, — задумчиво сказал Муравьев. — И ведь именно это сочетание может подвигнуть их на крайне опасную для России операцию — захват Авачинской бухты. Для России это была бы невозполнимая потеря! А в столице некоторые знатоки, — последнее слово Муравьев произнес с неприкрытой издевкой, — вполне могут посчитать: ну и пусть, мол, захватывают — понадобится, мы ее потом с суши освободим. А того не сообразят, что, пока мы будем двигать туда войска по суше, захватчики так укрепятся, что их ничем будет не выковырять оттуда даже за десяток лет.